

Лирика любви

Героем лирики Пушкина был гармоничный, жизнерадостный, всесторонний человек. Поэтому все его чувства: радость пиршества, нежность любви, дружбы, печаль измены любимой, — так благородны, одухотворены, освобождены от животности, светского извращения! Белинский совершенно правильно говорил об особом характере лирики Пушкина, когда отвечал на вопрос: что является ее содержанием? —

«Почти всегда любовь и дружба, как чувства, наиболее обладавшие поэтом и бывшие непосредственным источником счастья и горя всей его жизни. Он ничего не отрицает, ничего не проклинает, на все смотрит с любовью и благословением. Самая грусть его, несмотря на ее глубину, как-то необыкновенно светла и прозрачна: она умеряет муки души и целит раны сердца».

Чувство и понимание прекрасного в жизни и в человеке было тонко и глубоко развито у Пушкина. Среди его лирических стихов есть многие, где выражены восторги при созерцании пластической красоты античных статуй, картин природы и т. д. Но Пушкин был человеком жизни, он любил не холодную, мертвую красоту, а красоту живого. Ему было свойственно глубокое понимание грации одухотворенной красоты, гармонии черт, движения живого существа. Поэтому гораздо больше у Пушкина стихов, выражающих восторг при виде прекрасного человека — мужчины, женщины, девушки. Пушкин был человек жизни, он понимал, что счастье человека не может быть без людей: дружбы — без друга, любви — без мужчины или женщины. Пушкин никогда не пел гимнов бесплотному духу: живой, он думал о живом.

Любить можно живого человека, но эта любовь должна быть прекрасной, человеческой. В стихотворении «Я вас любил...», которое можно назвать гимном в честь прекрасной человеческой любви, столько живого трепетания души, глубокой нежности, что даже ревность, обычно выступающая в уродливом виде, рисуется здесь естественной и благородной:

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Даже в грусти обманутой любви столько красоты и человечности, что она невольно привлекает и возбуждает уважение.

Любовь в лирике Пушкина тесно связана с красотой. Здесь имеется в виду не только внешняя красота. Конечно, прекрасная внешность в глазах Пушкина облагораживает человека, понимание ее делает человека более тонким и всесторонним. Человек, не понимающий красоту и не преклоняющийся перед ней, не может быть, по Пушкину, человеком полноценным. В стихотворении «Красавица» Пушкин считает преклонение перед красотой естественным чувством:

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей.
Она покоится стыдливо,
В красе торжественной своей...
О чем бы ни думалось,
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

Пушкин боготворил красоту и преклонялся перед нею, видя в ней достоинство живого человека. И показательно, что красота для Пушкина всегда одухотворена, она выступает в облачении глубокого чувства восхищения или любви.

По М. Ледневу

Лирика Пушкина трактует вопрос любви с самых различных точек зрения и дает образцы всевозможных стадий в развитии этого вопроса. Семнадцатилетним юношей он пишет, что «в печальной праздности он лиру забывал», что «он влачил постыдной лени груз, в дремоту хладную невольно погружался» и «даже бежал от милых муз». Но вдруг поэт преобразился: «душа проснулась, ожила, узнала вновь любви надежду, скорбь и радость», а вместе с тем все вокруг него и в нем просветлело, он «живее чувствовал, свободнее дышал, сильнее пленяла добродетель», а в результате «вновь лиры сладостной раздался голос юный!» Так юноша-поэт понимает любовь и ее счастье; она и сама великое благо и благо вокруг себя льет. С этим мотивом мы встречались не однажды в эпических и драматических произведениях Пушкина; его же мы видим на пороге поэтической Деятельности поэта. Двадцатилетний юноша так описывает свою любовь:

Я верю, я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Все непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

Это простое описание чувства, полного собою, но такое чудесное описание и веры, и невольного сомнения, и нежности, и снисходительности, и красоты, что едва ли для юной любви можно найти где-либо более соответственный и более прекрасный язык. Любовь еще полна сама собою и никаких вопросов еще не поднимает, довольствуется собственной красотой, чистотой помыслов, незагрязненных чувственностью и не сбитых с толку романтизмом. В то же самое время (1820) были написаны стихотворения «О девараза, я в оковах...», «Увы, зачем она блистает...», «Редеет облаков летучая гряда...». Все они посвящены Елене Николаевне Раевской, которой Пушкин увлекался в это время. Светлое, ничем не возмущенное созерцание продолжает господствовать и в них. В следующем, 1821 году поэт настроен элегически. В одном стихотворении он говорит, что скоро умолкнет и просит любимую девушку, чтобы «когда его навек обымет смертный сон», она промолвила над могилой: «Он мною был любим, он мне был одолжен и песен и любви последним вдохновеньем». Поэт не требует ни клятв, ни заклинаний, ни обетов, не мучится замогильной ревностью и кроме этой просьбы не предъявляет к своей милой никаких желаний. Эта правда чувства и его глубокая человечность, не требующая от любимой девушки никакой жертвы, никаких обетов, сказываются, таким образом, одинаково и в радостях, и в печалах любви. В 1823 году пишутся стихотворения к г-же Ризнич, дышащие самым глубоким и искренним чувством. В ранних стихотворениях мы видели любовь Пушкина, не омраченную сомнением; первое стихотворение 1823 года уже выражает сомнение. «Простишь ли мне ревнивые мечты, — говорит поэт, — моей любви безумное волненье? Ты мне верна! Зачем же любишь ты всегда пугать мое воображенье?» Изложив свои сомнения и свои страдания от этих сомнений, поэт продолжает:

Но я любим! Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю
Мой милый друг, не мучь меня, молю!
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю!

Вскоре поэт разлучается со своей любимой и в разлуке пишет стихи, исполненные той же светлой нежностью и тем же робким опасением за счастье:

Ненастный день потух, ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;

Как привидение, за рощею сосновой,
 Луна туманная взошла...
 Все мрачную тоску на душу мне наводит.
 Далеко, там, луна в сиянии восходит;
 Там воздух напоен вечерней теплотой;
 Там море движется роскошной пеленой
 Под голубыми небесами...
 Вот время: по горе идет она
 К брегам, потопленным шумящими волнами;
 Там, под заветными скалами,
 Теперь она сидит печальна и одна...
 Одна... Никто пред ней не плачет, не тоскует;
 Никто ее колен в забвенье не целует;
 Одна... Ничьим устам она не предаст
 Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.
 ...
 Никто ее любви небесной не достоин.
 Неправда ль: ты одна... ты плачешь...
 Я спокоен.
 ...
 Но если...

Характер чувства остается тот же, но не всегда, однако любимая женщина вспоминалась поэту в этой двойственной роли очарования и сомнения. Вот, например, что пишет он о ней в разлуке вскоре после только что приведенного стихотворения:

Мой голос для тебя и ласковый и томный
 Тревожит позднее молчанье ночи темной.
 Близ ложа моего печальная свеча
 Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
 Текут, ручьи любви текут, полны тобою.
 Во тьме твои глаза блистают предо мною,
 Мне улыбаются, и звуки слышу я:
 Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя...

Так выражал Пушкин и свою любовь, и радость, и огорчения, и веру, и сомнения, сохраняя всюду ту красоту чувства, которая дается только его чистотой, правдой и гуманностью...

Прекрасная элегия «Желание славы» относится к тому же эпизоду в жизни Пушкина. Она написана в 1825 году. В следующем году г-жа Ризнич умерла в Италии, и поэт отметил ее кончину следующей элегией:

Под небом голубым страны своей родной
 Она томилась, увядала...
 Увяла наконец, и верно надо мной
 Младая тень ее летала;
 Но недоступная черта меж нами есть.
 Напрасно чувство возбуждал я:
 Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
 И равнодушно ей внимал я.
 Так вот кого любил я пламенной душой
 С таким тяжелым напряженьем,
 С такою нежною томительной тоской,
 С таким безумством и мученьем!
 Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
 Для бедной легковёрной тени,
 Для сладкой памяти невозвратимых дней
 Не нахожу ни слез, ни пени.

Но «недоступная черта», ставшая между поэтом и тенью его умершей подруги, и так тронувшая поэта, что он оставил памятью о ней это прелестное стихотворение, оказалась

вовсе не так недоступна. Уже вскоре поэт просит не петь при нем «песен Грузии печальной», потому что они напоминают ему «другую жизнь и берег дальной».

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой бедной девы!..
Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю,
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

То же воспоминание, с той же незабытой грустью выражается в стихотворении «В последний раз твой образ милый...», но особенно страстным горем проникнуты следующие два стихотворения, относящиеся к памяти г-жи Ризнич.

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы, —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!
Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно: сюда, сюда!
Зову тебя не для того,
Чтоб укорять того, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

Другое стихотворение принадлежит к лучшим лирическим произведениям Пушкина и хронологически является последним отражением повести его любви к Ризнич:

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.
Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».
Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,

Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

Такова рассказанная самим Пушкиным повесть его первой любви! Поэт любил «горестно и трудно», а «сердце женское шутя», но и это неравенство ни разу не сорвало с его лиры фальшивого звука; и в сомнениях ревности, и в радостях любви, и в тоске разлуки, и в горе невозвратной утраты мы видим ту же правду чувства и ту же чистоту и красоту. Никогда он не говорит больше того, что чувствует, и всегда он свято чтит свободу и равенство любви и в них одних видит и находит счастье. Несомненно, он нашел его формулу... Немногие стихотворения, посвященные любви к другим женщинам, достигают той силы и выразительности, которую мы наблюдали выше, но все стихи любовной лирики Пушкина неизменно проникнуты тем же светом и согреты тем же чистым, благородным пламенем:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Подводя итог анализу любовной лирики Пушкина, можно сделать вывод: прежде всего, поэзия Пушкина отличается замечательно многосторонним пониманием разных форм и стадий любви. Кроме того, в ряде замечательно выдержанных по идее и замечательно художественных по исполнению произведений Пушкин дает совершенно ясный ответ на вопрос: что нужно для счастья в любви. Свобода и равенство; свобода не только внешняя, но и та внутренняя, которая налагает столько нравственной ответственности, и равенство, не только юридическое (и даже не столько юридическое), но и моральное — вот необходимые условия счастья и любви. Иначе никакая взаимность и никакая страсть счастья не принесут.

По С. Южакову